

События развивались совершенно не так, как все ожидали. Е Вэньцзин поднял голову и боязливо взглянул на лицо Гу Шияня — выражение оказалось пугающе мрачным. Сердце у него ёкнуло, и он в панике поднялся на ноги.

— Гу-сенеф... п-простите, я... бейте меня!

— Бить тебя? — услышав слова робкого юноши, Гу Шиянь, у которого на коленях внезапно стало пусто, усмехнулся.

— Я... я не буду уворачиваться, только... можно чуточку полегче? Я боюсь...

— Ха-ха-ха-ха-ха!

— Аянь, какую кашу ты заварил? Почему мне кажется, что маленький невестеня считает тебя безжалостным демоном? — расхохотался Вэнь Сие и лишь спустя долгое время смог подшутить над другом.

Тем временем Вэнь Сиюй, прислонившись к груди Лу Цзинсяо, поднял голову и спросил:

— А Сяо, ну как, смешно? Разве маленький невестеня не прелесть? Особенно с таким холодным и отстранённым выражением лица — ну просто неожиданность!

— Угу, — кивнул Лу Цзинсяо.

Гу Шиянь произнёс:

— Е Вэньцзин, я прямо-таки теряюсь в догадках: кем ты меня вообще считаешь? Если я и вправду безжалостный демон, то за что же ты меня полюбил?

— П-простите, я ляпнул лишнее. — В голове у Е Вэньцзина всё смешалось в кашу, от напряжения он нёс полную чушь. Когда он сообразил, было уже поздно: кроме извинений, из него не вытягивалось ни слова.

Ся Исин тоже был потрясён. Он никак не ожидал, что рядом с человеком, который ему нравится, его друг окажется таким... милым. Поистине милым. Однако, видя испуганный вид товарища, он всё же шагнул вперёд, заслоняя Е Вэньцзина собой.

— Хватит вам уже, толпой на одного А Цзина нападать — велика невидаль. Разве он сказал неправду? Разве окружающие отзываются о старшем брате Гу не точно так же?

Затем он повернулся к Е Вэньцзину:

— А Цзин, не бойся. Эти слова не такая уж и ложь: тем, кто идет против старшего брата Гу, и правда не поздоровится.

—

—

Ся Ичэнь смертельно боялся, что в следующее мгновение его собственный глупый братец полетит на улицу выброшенный другом, поэтому поспешно оттащил его к себе:

— Не устраивай балаган, умоляю тебя.

— Брат, ты чего? Вы что, все тут извращенцы-насмешники? Вам так весело издеваться над А Цзином? Кто на свете не боится такого человека, как старший брат Гу? — Ся Исин стряхнул руку брата и возмущённо выпалил.

— Неужели я и вправду нагоняю такой страх? — спросил Гу Шиянь.

—

— Боишься, тогда почему всё равно любишь меня? Только потому, что корпорация Гу спонсировала тебя? — снова спросил Гу Шиянь.

—

— Почему ты всё время молчишь? Ты говоришь, что любил меня столько лет, но когда я признался тебе в чувствах, ты не принял меня. А теперь ещё и считаешь меня безжалостным демоном. Малыш, я правда сомневаюсь: ты уверен, что любишь меня, а не ненавидишь? — продолжал допытываться Гу Шиянь.

Е Вэньцзина прижали к стене. Вокруг находилось столько людей, и хотя он прекрасно понимал, что никто из них не желает ему зла, он всё равно нервничал. Его пальцы переплелись и до боли впились ногтями в ладони. В мыслях он отчитывал себя: Е Вэньцзин, что ты вообще несёшь?

Гу Шияню было двадцать восемь лет, и он впервые в жизни проявлял столько терпения. Но сидевший напротив Е Вэньцзин походил на испуганного котёнка: опустив голову и глядя жалобным взглядом, он по капле истощал его терпение.

— Тебе не больно? Ты сейчас кожу до крови сдерешь.

— Малыш, если ты сейчас же не заговоришь, тогда я...

В месте, скрытом от чужих глаз, глаза Е Вэньцзина покраснели, в них тихонько собрались слёзы. Чуть слышным, срывающимся от слёз голосом он произнёс:

— Простите... пожалели? Ну и пусть... Мне уже достаточно того, что я просто повстречал вас.

Гу Шиянь молчал — ему хотелось посмотреть, до чего ещё договорится этот малыш, и Е Вэньцзин действительно оправдал его ожидания.

Тот поднял руку, утёр слёзы, выпрямился и попытался изобразить стойкость.

— Гу-сенеф, спасибо, что оплачивали мою учёбу. Предыдущие расходы я как можно быстрее верну вам, а дальше больше не нужно: я уже способен сам себя обеспечить.

В этот момент Вэнь Сиюй и остальные почувствовали неладное.

Вэнь Сие взглянул на брата:

— Брат, не слишком ли мы перегнули палку с шуточками? Маленький невестеня он...

Вэнь Сиюй ответил:

— Я... Пойдёмте, выйдем пока, пусть они вдвоём спокойно поговорят!

— Ладно!

Все покинули помещение, и в полумраке отдельного кабинета остались только Гу Шиянь и Е Вэньцзин. Атмосфера стояла тяжёлая.

Кто первый полюбил — тот и проиграл. В их паре проиграл он сам, так думал Е Вэньцзин. Но Гу Шиянь вовсе так не считал: он был уверен, что проиграл он сам — всего лишь один взгляд, и он потерпел полное, безоговорочное поражение.

Когда он слышал, как Е Вэньцзин стоит снаружи, его сердце сжималось от боли. Когда тот мучился от боли в желудке — сердце болело. Когда он узнавал, что у Е Вэньцзина кто-то есть — сердце болело. Когда он слушал его исполненное глубоких чувств признание под песню — сердце болело. Когда тот говорил, что он сирота — сердце болело. Когда он признавался, что любит его самого, но при этом чувствовал себя настолько ничтожным, что не смел даже приблизиться — сердце болело безумно.

Всё, что было связано с Е Вэньцзином, отчаянно ранило его сердце, и ему хотелось лишь одного: укрыть этого малыша, который захватил его душу и сам того не понял, под своими крыльями, поднять на вершину мира, чтобы на его лице сиял лишь счастливый смех.

— Будь со мной! И это не шутки, всё предельно серьёзно. Если сможешь дождаться, то подождём окончания твоего университета и поженимся. А если не сможешь ждать — сорвёмся за границу, там есть страны, где женятся с восемнадцати лет, — нежно произнёс Гу Шиянь.

— Разве вы не пожалели об этом? — тихо спросил Е Вэньцин.

— Я не пожалел и не пожалею никогда. Е Вэньцин, Гу Шиянь любит тебя. Очень сильно любит! Так что, хочешь ты того или нет, я всё равно привяжу тебя к себе.

— Я тоже... тоже очень-очень сильно люблю вас.

— Ну просто ребёнок: радостно — плачет, грустно — тоже плачет. Малыш Е Вэньцин, ты точно восемнадцатилетний студент колледжа, а не трёхлетний малыш из детского сада? — Гу Шиянь усадил Е Вэньцина к себе на колени, протянул руку и тёр слёзы с его лица, подшучивая над ним.

— Я... я буду стараться измениться.

В таком положении и от таких слов Е Вэньцин смущённо опустил голову. Он и сам не ожидал, что со стороны выглядит именно так.

Гу Шиянь улыбнулся:

— Меняться не нужно, в три года тоже неплохо — я сам тебя выращу. Только... есть одна сложность.

— Какая? — Е Вэньцин поднял голову и недоумённо посмотрел на него.

И тогда Гу Шиянь склонился к самому его уху и шёпотом произнёс:

— Ты слишком мал, мне совестно над тобой измываться.

От Гу Шияня исходил очень приятный парфюм, а его дыхание щекотало ухо. Уши Е Вэньцина мгновенно вспыхнули, и он замер всем телом в объятиях мужчины.

Глядя на смущённого малыша, Гу Шиянь почувствовал, как внутри поднимается волна жгучего желания.

А затем он услышал, как этот не подозревающий о своей соблазнительности мальчишка тихонько произнёс:

— Я уже совершеннолетний.

Гу Шиянь на секунду замер, а затем рассмеялся:

— М-м, восемнадцатилетний малыш из детского сада! Ну что ж, переспрошу тебя ещё раз: я теперь твой парень? Или мне ждать, пока ты накопишь достаточно денег?

— Да, парень. — Е Вэньцзин помедлил, а затем робким, заискивающим тоном предложил: — Сначала я верну вам сорок тысяч, а оставшуюся десятку отдам, как только подкоплю, ладно?

— Идёт. Но могу я выдвинуть одно условие?

— Какое?

— Эти пятьдесят тысяч я приму, но давай больше никогда не подсчитывать деньги. Всё, что я даю, нельзя отвергать, и нельзя больше заикаться о возврате — ты должен принимать абсолютно всё, договорились?

— Этого... будет много?

— Угу, очень много. Квартира за несколько десятков миллионов, карманные расходы в миллионы и сотни тысяч, а нулей в цифре моей зарплаты не сосчитать... И много-много всего ещё. Согласен?

— Всё мне? А вдруг я потеряю? А вдруг сбегу с деньгами? А если... — тихо спросил Е Вэньцзин.

Гу Шиянь взъерошил его волосы — они оказались мягкими, точно такими, как он и представлял: мягкие волосы, мягкое тело.

— Ну почему ты такой милый? Потеряешь — я заработаю ещё, сбежишь — я сам тебя привяжу обратно. Никаких если быть не может, ты можешь принадлежать только мне. Так что — согласен?

— Обязательно соглашаться? — Е Вэньцзин предпринял последнюю попытку спасти положение.

— Угу, обязательно, иначе я рассержусь.

— Ладно! — ответил Е Вэньцзин, а про себя молча добавил: Я просто возьму и не стану их тратить.

Однако директор Гу, столько лет ворочавший делами в мире бизнеса, действовавший решительно и безжалостно, разве мог поддаться на столь дешёвую уловку?

— Взял — значит потратить, нельзя просто так складывать мёртвым грузом.

— Ой! — тайный умысел был раскрыт, и Е Вэньцзин смутился.

<http://bllate.org/book/21897/2274847>